

Г.А. Комарова

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК АДАПТАЦИОННЫЙ РЕСУРС

"...Ни одна таможня не сумела у нас отобрать наши знания, нашу культуру, нашу любовь к книге, наш русский язык"

Бывшая ленинградка, 76 л.

Минувший XX век назван «эрой миграции». Миграционные процессы приобрели глобальные масштабы, охватили все континенты, все сферы общественной жизни, все социальные слои и группы общества. Численность международных мигрантов, т.е. людей, живущих вне страны своего происхождения, во второй половине XX века возросла с 75 млн. человек в 1965 г. до 120 млн. в 1990 г. и достигла в 2001 году 140 млн. человек. К началу XXI века более 10 миллионов наших бывших соотечественников оказались в 50 странах мира. Сегодня их основная часть живет в США, Израиле и Германии (1).

Основу данной статьи составляют материалы этносоциологического обследования бывших граждан бывшего СССР, проведенного автором в г. Бостон (Массачусетс, США) в сентябре 1999 – июне 2000 гг.; литературные, архивные, статистические данные; а также результаты полевых исследований и углубленных интервью представителей русской общины Бостона, «Русского Бостона». Официально общину называют «Russian Community Association of Massachusetts». Для американцев - аборигенов Бостона, все выходцы из бывшего СССР - «русские». Так они их определяют по языку: «Говорит по-русски, значит - «русский». Наши иммигранты согласны: «Мы здесь - все русские, но есть русские русские, есть русские евреи, есть русские татары, русские белорусы и т. п.». В моем обследовании, в результате, приняли участие «русские» бостонцы, у которых в пятой графе их советских паспортов значилось: русские; евреи; украинцы; белорусы; армяне; грузины; татары; бухарские евреи; таджики; корейцы; латыши. Это - бывшие советские граждане, эмигрировавшие в США в послевоенные годы. Возраст опрошенных - от 18 до 94 лет. Среди них женщин - 68 человек, мужчин - 52. В ходе обследования удалось сохранить основные половозрастные параметры выборки и сделать ее представительной. 120 «русских» бостонцев составили около 1% всей генеральной совокупности, что по социологическим меркам служит вполне надежной выборкой для экстраполяции и получения

выводов. По официальным данным, хотя и достаточно противоречивым, в Большом Бостоне на момент обследования проживало около 20 тыс. иммигрантов из бывшего СССР (2). Около 12 тыс. из них - люди в возрасте от 18 лет и старше. Примерно 62 % составляют женщины. Оказалось практически невозможным представить социально-профессиональный состав русских бостонцев: подобной статистики не существует. Тем не менее, в опросе приняли участие представители самых разнообразных социальных групп: студенты и пенсионеры, домохозяйки и продавцы, врачи, научные работники, юристы, парикмахеры, таксисты, развозчики пиццы, служащие банков, различных фирм и «хронические» безработные, преподаватели, музыканты, журналисты, грузчики, медсестры, аспиранты и т. д.

По данным двух последних переписей населения США, штат Массачусетс (г. Бостон) является одним из семи американских штатов, служащих местом сосредоточения эмигрантов из бывшего Советского Союза. В 1980 г. выходцы из СССР составляли 0,8 % от всех жителей США и 1,3 % от жителей Массачусетса. В 1985 г. среди иммигрантов, прибывших в Бостон, их было около 2 %. В 1992 году только по каналам ХИАС в Бостон въехало 1300 бывших граждан Союза. Первые выходцы из России, прибывшие в Бостон еще в конце девятнадцатого века, обычно селились в таких его районах, как Челс, Молден, Норт Энд и Уэст Энд. Местами расселения «русских» иммигрантов второй волны в Бостоне были Дорчестер и район вокруг Блю Хилл Авеню. После 1967 года районами обитания выходцев из России стали Бруклайн, Ньютон, Свампскотт, Марблхэд, Рэндолф. Последние 15 - 20 лет «русские» селятся традиционно в Брайтоне, Олстоне, Бруклайне, меньше - в Эктоне, Молдене, Линне, Ньютоне и других районах Бостона. Олстон/Брайтон (Allston-Brighton) - самый русский район Бостона. Глава муниципального совета этого района Брайан Хонан сказал в октябре 1999 г.: «Одной из важнейших особенностей нашего района является постоянный рост числа жителей, представляющих различные этнические и культурные группы. Русская община - одна из крупнейших. Все больше слышна на улицах русская речь». Ему вторит другой высокопоставленный бостонский чиновник - Гильберт Хой: «В Олстоне, Брайтоне и Бруклайне проживает очень много русских жителей. Это заметно и по огромному числу русских бизнесов, расположившихся в этих районах, и по тому, как часто слышится русская речь на улицах... После довольно короткого адаптационного периода почти все ваши соотечественники находят работу, покупают дом или квартиру и становятся органичной частью общины, в которой они живут». Старожилы Бостона подчеркивают, что массовое прибытие русскоязычных иммигрантов в 1990-е гг. добавило культурного разнообразия Бостону.

«Русские» жители Олстона, Брайтона и Бруклайна также отмечают: «У нас в районе - на каждом шагу русские вывески, русская реклама: различные магазины, в том числе книжные, рестораны, мастерские, парикмахерские, ателье, стоматологи, юристы... И даже работу можно найти, где нужен только русский язык». Те, кто проживает в «Русском» Бостоне десять и более лет, подчеркивали в своих интервью, что «теперь мы спокойно говорим на родном языке. А ведь в начале 1990-х говорить по-русски в общественном месте было как-то неудобно. Это выглядело как недостаток». (Ж., 56 л., преподаватель из Москвы). Подавляющее большинство наших соотечественников, не владеющих и плохо владеющих английским языком, отмечали, что любая проблема в эмиграции - «проблема вдвойне неразрешимая, а без языка – просто беда». Однако, при этом как правило подчеркивалось, что за последние годы их жизнь изменилась к лучшему, т.к. в Бостоне «теперь можно прожить и без английского языка». И с гордостью говорят о том, что знают примеры, как люди других национальностей специально учат русский язык: « Наш домовладелец,- мексиканец, учит русский язык, чтобы селить в своем доме именно русских». «Русскоязычные» родители с удовольствием рассказывают о том, что их дети, «уже рождённые в других странах, всё чаще берут в руки русскую книгу, наверное, чтобы понять нас, неисправимо "русских" родителей». "У дочки в университете есть предмет "Русская литература", на который она неожиданно записалась. Они читают в оригинале Зощенко и других писателей и потом пишут сочинения, делают доклады по прочитанному. Кроме русских студентов, есть даже два американца. Сейчас они пишут сочинение - как ты думаешь, о чём? Об эмиграции!"

Как очень важное событие в жизни Русского Бостона респонденты оценили появление в городе «русских» аптек. Одна из них открылась в 1999 г. в Брайтоне по соседству с жилым комплексом «Юлинхауз», в котором проживают несколько сотен русскоязычных пожилых иммигрантов, большинство которых не знает английского языка. Сотрудники аптеки говорят на русском языке и оказывают множество услуг, помимо фармацевтических. В аптеке можно оплатить коммунальные услуги, изготовить ключи, отправить посылку и денежный перевод, факс, сделать ксерокс, проявить фотопленку, сделать фотографии на документы и т. п. Для иммигрантов важно то, что аптека предлагает большой выбор привычных для них европейских лекарств, т. к. проблема перехода на американские аналоги многими больными воспринимается очень остро. В другом районе Бостона (Линн) существует еще одна подобная «Русская аптека».

Наши респонденты постоянно подчеркивали особую роль «русских» книжных магазинов («Березка», «Петрополь» и др.) в сохранении и

расширении русскоязычного культурного пространства. Сотрудники магазинов – энтузиасты книжного дела, не формально, а очень творчески выполняют свою работу. Они не только тщательно комплектуют отделы русской классики, но и следят за новыми явлениями в русскоязычной литературе, в кино, в театральной жизни как России, так и Русского Зарубежья. Выписывают, привозят, «достаю» новинки. Деятельность русских книжных магазинов осуществляется в разнообразных формах, ею охвачены большие группы иммигрантов, что способствует включению новых граждан в социальную и культурную жизнь страны, их участию в общественных и политических дискуссиях. Члены общества – русскоязычные литераторы, журналисты, представители академических кругов. В частности, действует культурно-общественный клуб, цель которого – активизировать духовную жизнь русскоязычной общины и содействовать сохранению русскоязычного пространства. Проводятся поэтические вечера, встречи с литераторами, обсуждение русскоязычной журналов, книг, творчества отдельных писателей.

В Бостоне действуют различные землячества «русских» иммигрантов. Эти добровольные объединения создавались энтузиастами, обычно интеллигенцией среднего и старшего возраста с целью оказания взаимопомощи и поддержки землякам. Землячества призваны не только помочь новым иммигрантам из своего родного города (региона) адаптироваться в новой среде, но и способствовать сохранению русской культуры, русского языка, преодолению «культурного вакуума» у русскоязычных эмигрантов, независимо от времени их приезда в США. Их члены совместно отмечают все праздники, юбилеи, события, связанные с историей и культурой родных мест, организуют лекции, встречи с известными земляками, собирают архивы и воспоминания, пропагандируют свои культурные ценности и т.д. Наряду с этим землячества делают попытки знакомства иммигрантов с американской культурой, оказывается помощь в изучении английского языка, организуют экскурсии по стране.

Культурная жизнь русскоязычного Бостона на момент нашего обследования была насыщена и разнообразна. И это неслучайно. По данным М. Каган на 1990 год, большая часть эмигрантов, прибывших в Бостон – высоко образованные люди: 90 % из них имели высшее образование, а 7 % – ученые степени (3). И хотя «лицо» эмиграции из бывшего Союза за последнее десятилетие очень изменилось, люди с

высокой степенью образования по-прежнему стремятся, как правило, в Бостон. Их привлекает то, что Бостон - крупнейший научный и культурный центр США. Сергей Довлатов в свое время заметил: «...Ленинград обладает мучительным комплексом духовного центра, несколько ущемленного в своих административных правах. Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином. Такие города есть в любой приличной стране. В Италии - Милан. Во Франции - Лион. В Соединенных Штатах - Бостон» (4).

«Русские» бостонцы считают свою общину одной из самых культурных и образованных в русской Америке. Среди тех, кто сохраняет русский язык и русскую культуру, они называют имена писателей, поэтов, публицистов, критиков, искусствоведов, пишущих на русском языке: Наум Коржавин, Людмила Штерн, Лев Лосев, Юз Алешковский, Катя Капович, Дм. Бобышев, А. Янов, Б. Парамонов, Ал. Есенин-Вольпин, М. Хазанова-Медведева. Среди замечательных людей наши респонденты особенно выделили филологов Г.Е. Тамарченко и его жену А.В. Эмме, которые приехали из Ленинграда в Бостон в 1978 г. Невзирая на преклонный возраст, они собрали всех бостонских славистов, раздобыли фонды и организовали при Бостонском университете Русский исследовательский институт, который долгие годы был культурным центром Русского Бостона и способствовал сохранению и изучению русской культуры и русского языка.

И всё же наиболее значимая роль в сохранении русскоязычного пространства не только Бостона, но и США, принадлежит русскоязычным СМИ. «Русские» иммигранты привезли с собой «культуру чтения», отсюда их потребность в прессе. Второй Всемирный конгресс русской прессы, состоявшийся в Нью-Йорке и Вашингтоне 26-28 апреля 2000 года с целью создания единого русскоязычного информационного пространства, объявил о том, что в США выходит более 40 русскоязычных периодических изданий. В Бостоне выходит несколько газет: «Бостонский марафон», «Бостонский курьер», ежемесячные бюллетени «Контакт», «Бостон», а также различные интернет-издания. Самая известная американская ежедневная газета «Новое русское слово» в апреле 2010 года, возможно, отметит свое 100-летие. Другой мощный экстралингвистический фактор - русскоязычные радио и ТВ появились вместе с третьей волной эмиграции в начале 1980-х годов, когда были созданы первые русскоязычные радиостанции в Лос-Анджелесе и в Сан-

Франциско. В 1983 г. они появились на Аляске и в Чикаго. Первые телепрограммы на русском языке также вышли в Калифорнии. В 1987 г. была создана станция Russian American Broadcasting Company, которая затем превратилась в крупнейшую радио и телевизионную сеть США.

Четвертая волна иммиграции породила множество новых русских СМИ (газет, радиостанций), а также интернетиздания. Наши респонденты с гордостью говорили о том, что «у русскоязычной молодёжи, точнее её части, есть общий Интернет. Лидеры русскоязычного сетевого движения – наши из США: Валера Колпаков, Махно, Леня Делицын». (М., 24 г.). На момент нашего исследования интернет, в основном, «принадлежал» молодым иммигрантам, в настоящее время им активно пользуются «русские» бостонцы всех возрастов.

Около 2/3 респонденты отмечали положительную роль русских СМИ в своей новой жизни: «Я приехала в США без языка, знакомых - никого... Если бы не русские газеты, я бы не выжила». (Ж., 47 лет). В этой группе респондентов большинство принадлежит пожилым людям. «Для пожилых, не знающих английского языка, русское телевидение - «свет в окошке»: и передачи из России, и местные программы... Но для нас важно смотреть американское ТВ, но на русском языке. Мы хотим знать все об Америке, о жизни американцев. ТВ может помочь нам адаптироваться, а то мы живем в своей «деревне», как в параллельном мире, а хотели бы включиться в американскую жизнь». (Ж., 67 лет)

Более 18% опрошенных заявили, что они не следят за русскими СМИ. «Меня не интересуют русскоязычные СМИ, предпочитаю читать классику». (Ж., 62 года). «Я не интересуюсь нашими СМИ, их междусобойчиками и междоусобицами. Я не могу жить без книг. Но, к сожалению, здесь новые книги на русском языке - проблема.. (Ж., 65 лет)» Молодые респонденты из этой группы нередко подчеркивали, что они сознательно не интересуются русскоязычными СМИ. «Я уже адаптировался к Америке и давно потерял интерес к русским СМИ. Я читаю «Boston Glob» и «New York Time». И вообще, приехавшие в США молодые, до 30 лет, через 3-4 года не читают ни американских, ни русских газет». (М., 25 лет). Определенная часть респондентов очень избирательно относится к русским СМИ: «Я газет не читаю, ТВ смотрю американское, но слушаю русское радио. Иногда бывает интересно: о молодежной культуре, о музыке, о сексе, об Интернете... Но в целом, на них влияет аудитория, а ведь их слушают в основном неработающие: пенсионеры,

домашние хозяйки. И если идти у них на поводу, можно деградировать!» (М., 29 лет).

Респонденты, интересующиеся русскими СМИ, по-разному оценили качество русскоязычных изданий. «НРС» («Новое русское слово») - самая разнообразная и интересная газета. В ней есть материалы на любой вкус: события в мире, в России, в нашей общине, статьи о культуре, науке, спорт, юмор. Наша семья без «НРС» жить не может: уже почти 30 лет читаем ее каждый день» (Ж., 52 лет). «Я знаю прекрасно английский язык и еще несколько языков, но все равно читаю русскоязычную прессу. Очень жаль, что «НРС» исписалась и не представляет ценности для читателей. Дурной вкус, раболепие, постоянные клятвы «в преданности Великой Америке»... США у них - «Земля обетованная», видимо, путают с Землей Ханаанской...» (Ж., 82 года).

И все же подавляющее большинство (более 82%) всех опрошенных подчеркнули роль русских СМИ в сохранении русского языка и русскоязычного пространства на их новой родине. Особое место надежды «русские» бостонцы возлагают на ТВ. «Телевидение для таких, как я – безъязыких – окно в окружающий мир». (М., 76 л.). « Среди мигрантов много одиноких, несчастных, для которых весь свет в окошке - телевизор. У многих в жизни, кроме русского телевидения, нет никакой отрады». (Ж., 59 л.). «RTVI делает очень хорошее дело: сплачивает русскоязычных иммигрантов. Создает единое культурное, языковое, экономическое пространство. У меня родные живут и в США, и в Германии. Я смотрю этот канал, и все знаю и о их погоде, и о проблемах, о спорте, о культуре. И реклама полезная бывает. Так что – молодцы! Очень нужное дело делают для нас». (М., 45 л.).

Однако, не все зрители довольны «русским» телевидением. «Телевизор для меня очень много значит. Кстати, русскому ТВ в Америке уже 10 лет! К сожалению, сейчас оно стало хуже. Раньше, когда были Григорий Антимонец и Иосиф Сац, нам показывали много интересных и качественных передач. Сейчас принудительно кормят НТВ». (Ж., 63 года). По мнению пожилых респондентов, «российское ТВ смотрят лишь пожилые, молодые работают, учатся, смотрят американское телевидение! Мы, старики, больше чем молодежь зависим от русскоговорящего ящика». (Ж., 74 года). Часть молодых респондентов считает, что «русские СМИ вызывают положительные эмоции у новых мигрантов и помогают совсем не утратить возможность правильно изъясняться на живом русском языке». (Ж., 27 л.). Однако, «русскоязычные СМИ нужны как источник информации. И эту свою роль они в целом выполняют. Но стать властителем дум, особенно молодых, никогда не смогут. А вот «русские» сайты в интернете – это круто!» (М., 30 л.).

В целом, результаты изучения степени потребления «русскими» бостонцами масс-медиа на русском и на английском языках позволили выделить четыре (условные) группы потребителей: 1) те, кто адаптируется (англоязычное потребление масс-медиа превосходит «русское»); 2) «дуалисты», для которых характерно примерно равное потребление англоязычных и русскоязычных масс-медиа); 3) «сепаратисты» (только русскоязычное потребление); 4) «изоляционисты» (не потребляют никаких масс-медиа). Выяснилось, что «сепаратисты» составили подавляющее большинство наших респондентов. «Дуалисты» находятся на втором месте, «адаптирующиеся» - на третьем, «изоляционисты» - на последнем.

Русификация городского пространства в Бостоне – прекрасный индикатор увеличения численности и усиления русской общины, русского анклава. Множество эмигрантов разных национальностей в США живут подобным образом, анклавом, сохраняя свою культуру, свой язык, имея «своих» врачей и юристов, свои магазины, автомастерские, рестораны, похоронные бюро... Они могут десятилетиями жить в США в своем изолированном «параллельном» мире, практически не общаясь с «коренными» американцами. Среди «русских» бостонцев популярна такая шутка: «Русские» эмигранты с Брайтон-Бич на вопрос: «Как поживает Америка?» честно отвечают: «Не знаем, мы до них не ходили».

Исследователи постоянно отмечают такую закономерность: чем больше иммигрантская община, тем меньше ее члены нуждаются в изучении нового для них государственного языка. Один из типичнейших примеров тому – русскоязычная община в Брайтон-Бич (г. Нью-Йорк, США). Противоположную ситуацию мне удалось наблюдать в 2003 г. в весьма малочисленной армянской общине г. Иерусалима: немногочисленные армяне Старого города, как правило, говорят не только на армянском и турецком языках, но также на иврите, арабском, английском, а иногда и на русском языках.

Социолингвисты различают два вида билингвизма: избирательный (дополнительный) и ситуационный (вычитающий). Избирательный билингвизм характеризуется тем, что человек, находясь в родном речевом окружении, добровольно изучает новый (дополнительный) язык и пользуется им без ущерба для своего родного языка. Ситуационный (вычитающий) билингвизм обычно связан с миграцией, вынужденным переселением людей. Он также, на наш взгляд, может быть вызван резкими политическими катаклизмами в обществе, в частности, изменениями государственной политики в языковой сфере, ярким

примером чему служат события последнего десятилетия XX в. в некоторых республиках бывшего СССР, и прежде всего, прибалтийских. Ситуационный (вычитающий) билингвизм характерен для человека, как правило, находящегося в чужом речевом окружении и вынужденного бессистемно (спонтанно) овладевать новым языком в сложных жизненных обстоятельствах. Такой способ изучения нового языка обычно сопровождается постепенной утратой (вычитанием) родного языка.

Для «русских» бостонцев - иммигрантов третьей волны, на мой взгляд, был более типичен ситуационный (вычитающий) билингвизм. Отличием этой волны было ее особое качество: отборные люди, ехавшие по идеологическим мотивам. Их было немного, по крайней мере, они не создали критической массы для возникновения «русского» культурного анклава. Тем более, что не только не могли, но и не ставили этой задачи, т.к. стратегия их выживания в США состояла в том, чтобы интегрироваться в американское общество. Одним из важнейших условий их удачной интеграции было свободное владение языком доминирующего большинства.

Насколько билингвизм характерен для иммигрантов четвертой волны? Вопрос о том, в какой степени владеют английским языком постсоветские иммигранты, задавался в ходе нашего обследования. В результате выявилась следующая картина:

<i>Свободно владею английским языком понимаю, говорю, читаю, пишу</i>	8 %
<i>Знаю английский язык: понимаю, говорю, читаю</i>	28 %
<i>Понимаю и могу объясниться по-английски</i>	26 %
<i>Я с трудом говорю и понимаю по-английски</i>	27 %
<i>Я не говорю по-английски</i>	11 %

Самую значительную группу мигрантов, не владеющих английским языком, составили люди в возрасте от 60 лет и старше. Подавляющее большинство (82%) пожилых «русских» бостонцев признались в том, что они «не понимают и не говорят по-английски». И для многих стариков, особенно одиноких, а также не имеющих родственников со знанием

английского языка, в связи с этим возникает множество юридических, медицинских и прочих житейских трудностей.

По данным нашего обследования, пожилые русские бostonцы считают своими основными проблемами следующие (сумма ответов превышает 100 %, поскольку в анкете можно было указывать более одной проблемы):

<i>Здоровье</i>	83 %
<i>Проблемы психологической адаптации</i>	68 %
<i>Одиночество</i>	37 %
<i>Материальные проблемы</i>	29 %
<i>Отношения с детьми</i>	19 %

Как видно по результатам опроса, проблему владения английским языком пожилые русские бostonцы не назвали среди своих главных проблем. Однако, позднее в своих интервью, многие из них подчеркнули, что «несмотря на то, что американское правительство делает очень многое для наших стариков, особенно ветеранов и инвалидов Второй мировой войны, все-таки существует целый ряд специфических проблем. Материально они обеспечены, но существуют психологические проблемы. Здесь они чувствуют себя ненужными ни обществу, ни детям. Они живут на обочине американской жизни». (М., 69 лет). Проблема общения - одна из самых острых в эмиграции для многих, особенно пожилых людей. А при отсутствии английского языка тем более. Наличие многих других проблем в своей жизни многие старейшие «русские» бostonцы также связывали с такими факторами, как «возраст» и «владение английским языком». И в целом, подавляющее большинство наших соотечественников, не владеющих и плохо владеющих английским языком, отмечали, что любая проблема в эмиграции - «проблема вдвойне неразрешимая, а без языка - просто беда».

Особую, практически неразрешимую проблему для пожилых, как впрочем, и других наших бывших соотечественников, не владеющих английским языком, представляет сдача тестов на американское гражданство. Неслучайно русскоязычные пенсионеры обращались в своё время с петицией к конгрессменам США с просьбой поддержать законопроект Дж. Надлера о сдаче пожилыми иммигрантами экзамена на американское гражданство на родном языке. Дело в том, что хотя в США правом сдачи на гражданство и прохождения интервью на родном языке обладают люди, достигшие возраста 55 лет и имеющие статус постоянного жителя не менее 15 лет, или достигшие 50 лет и имеющие указанный статус не менее 20 лет на момент подачи заявления, пожилые люди не могут ждать

так долго. Тем более что в последние годы Конгресс США постоянно сокращает государственную помощь иммигрантам, не получившим американское гражданство. В связи с этим иммигранты, невзирая на болезни и возраст, пытаются как можно скорее сдать этот трудный для них экзамен. Проблема сдачи тестов на американское гражданство особенно обострилась для наших респондентов после того, как в 1999 году было наложено вето на финансирование штатом Массачусетс программ помощи пожилым, нетрудоспособным, семьям с детьми, приехавшим после 1 июля 1997 года. Это заставило многих русскоязычных иммигрантов, в том числе и людей пенсионного возраста, не имеющих или недавно получивших статус постоянного жителя, но не владеющих английским языком, посещать курсы по подготовке к сдаче экзаменов на гражданство. На момент нашего обследования (1999 - 2000 гг.) ещё сохранялось финансирование обучающих программ и оказание другой помощи пожилым людям, стремящимся сдать экзамен на гражданство, за счет бюджета штата Массачусетс. В Бостоне есть целый ряд организаций, которые стараются им в этом помочь: Russian Community Association of Massachusetts (RCAM), Jewish Vocational Service (JVS), Jewish Family Service of Metro West (JFS/MW) и др.

Обычно как наиболее удачную форму обучения пожилых людей английскому языку приводят в пример языковые курсы в Юлинхауз (Ulin House, Brighton). Юлинхауз - один из жилищных комплексов Бостона, в котором проживает больше всего русскоязычных иммигрантов (около 600 человек). Здесь, как и в других подобных субсидированных домах (например, The Patrical Hagan White Apartments, 20, Washington street, Brighton) селят лишь людей пенсионного возраста. Отдельные квартиры сдаются в аренду, поэтому передать их детям или продать нельзя. Юлинхауз, в целом, известен активной и плодотворной деятельностью своего домкома (домового комитета), причем не только в Русском Бостоне. О нем писали и крупные американские газеты, снимало американское ТВ. Он был создан самими русскоязычными жильцами с целью оказания помощи иммигрантам из бывшего СССР. Домком организовал работу свыше 30 групп по изучению английского языка и подготовки к сдаче экзамена на гражданство. Он оказывает юридическую помощь в подготовке различных документов, в переводе их с русского языка на английский и наоборот. Домком помогает поменять квартиру внутри дома, заботится о больных, устраивает встречи, концерты, лекции, праздники, что важно на русском языке.

Пожилые русскоязычные бостонцы, проживающие в Юлинхаузе, приняли в нашем обследовании очень активное участие. Большинство их (около 72%), как правило, довольны жильем и условиями проживания. Лишь некоторых из них (17% опрошенных) «коробит излишняя опека»

англоязычной охраны, которая, по их мнению, «слишком много на себя берет и превышает порой свои полномочия. И вообще, нам трудно найти с ними общий язык». Эту группу респондентов составили те, кто «жил в СССР в собственном доме и был в нем полным хозяином», и что немаловажно, не владеющие английским языком. В целом, более 2/3 опрошенных в Юлинхаузе признались, что практически не владеют английским языком, около четверти оценили свои знания английского языка как «очень слабые». Многие из тех, кто посещали в или посещают языковые курсы, в целом подчеркивая их ценность и необходимость, утверждали, что они помогли в сдаче тестов лишь единицам слушателей, т.к. «в пожилом возрасте невозможно выучить чужой язык».

Помимо пожилых мигрантов, зачастую желающих, но не способных в силу возраста и болезней изучить английский язык, в эту группу входят и более молодые люди, которые, по мнению многих респондентов, «просто ленятся учить новый язык, да и русский они обычно толком не знают». Причины этого явления остаются за рамками данной статьи, равно, как и проблема эмигрантских волн. Однако, невозможно не согласиться с с мнением одного из наших респондентов: «Сейчас уже нужно говорить о четырех волнах эмиграции. И если в трех первых много общего, то четвертая (с конца 1980-х) еще долго будет жить на обочине американской жизни. Так было и с предыдущими. Все через это проходят. Но последним будет труднее, потому что среди них много случайных попутчиков, поверивших в сказку об американском рае, людей не знающих и не желающих знать английский язык, не умеющих вкалывать и бороться за место под солнцем. Они хотят жить в одной большой «русской коммуналке» и всю жизнь сидеть на пособиях!» (М., 35 л.).

По мнению наших интервьюеров, в процессе адаптации постсоветских мигрантов, в том числе и языковой, прослеживается определенная роль половозрастного фактора: «У пожилых выходцев из Союза - все в порядке: и муж, и жена знают свое место в семье, поэтому и браки крепче, и живут, как люди... А вот среди 30-50 - летних всякое бывает! Часто женщина в семье все тащит на себе, а муж и рад бы быть хозяином в доме, да то без работы сидит, то языка не знает, а то и вообще, пьет и на диване лежит». (Ж., 46 лет). «Русские» бостонцы постоянно подчеркивали в своих интервью, что «наши женщины - не феминистки, но вынуждены зачастую играть главную роль и в семье, и в бизнесе... А что делать? Надо выживать!» (Ж., 33 года). Вместе с тем определенная часть респондентов-мужчин отметила: «Да уж, что-то здесь и с нашими происходит: начинают права качать, по судам таскают». Мужчины считают, что подобные настроения в общине создают «СМИ и разные писаки»:

«Почитайте «нетленку» Муравьевой, Анны Левиной и прочих «великих писательниц русской иммиграции». Они все (женщины) - благородные красотики, а мужики (причем, только эмигранты) - проходимцы, бездельники, воры, пьяницы». (М., 52 года). И все же большинство (76%) наших респондентов, независимо от их половозрастных характеристик, согласны с мнением о том, что «женщины в эмиграции быстрее и легче адаптируются, успешнее преодолевают языковой барьер, да и физически более выносливы» (Ж., 58 л.)

Среди «русских» мигрантов, «не знающих и не желающих знать английский язык», большинство, по мнению участников углубленного интервью, составляют мужчины. Однако, результаты нашего опроса не выявили четкой зависимости знания английского языка от фактора пола. Среди тех, кто практически не знает английского языка мужчины и женщины представлены почти поровну (52% и 48%). В группе тех, кто «с трудом говорит и понимает по-английски» несколько преобладают мужчины, а в группе «свободно владеющих английским языком» - женщины. Однако, напомним, что эти данные носят самооценочный характер.

Можно также ставить под сомнение объективность самооценки степени владения английским языком респондентами первой (8%) и второй (28%) групп. Неслучайно даже тот, для кого знание английского языка является профессиональной необходимостью, наш бывший соотечественник, а ныне – профессор из пригорода Бостона, поэт Лев Лосев с откровенной самоиронией пишет:

*Живу в Америке от скуки
И притворяюсь не собой,
Произношу дурные звуки -
То горловой, то носовой,
То языком их приминаю,
То за зубами затворю,
И сам того не понимаю,
Чего студентам говорю.*

Как уже упоминалось, в процессе углубленного интервьюирования русские бостонцы вновь оценивали свои знания английского языка. Их данные сопоставлялись с материалами опроса и верифицировались различными способами. В результате можно сделать вывод о том, что весьма четким критерием самооценки уровня билингвизма опрошенных может служить, на мой взгляд, отсутствие в их языковой практике такого явления как интерференция. «С языками не вижу никаких проблем. У нас вся семья прекрасно говорит на двух языках, не смешивая их никогда. В каждой конкретной ситуации - свой язык. Легко переходим с одного - на другой, как делают все образованные люди. Надо просто учить языки! »

(Ж., 47 л.) В ходе интервьюирования выяснилось, что количество тех, кто «...говорит на двух языках, не смешивая их никогда. В каждой конкретной ситуации - свой язык», составило около 12% от числа всех опрошенных (вместо ожидаемых 36 %, полученных в результате массового опроса). В этом плане представляется вполне уместно процитировать С. Довлатова: «Жена как-то спросила: Почему Рон Фини этого не делает?- Чего?- Не путает английские и русские слова?..- Потому что Фини в совершенстве знает оба языка» (5).

В ходе углублённого интервьюирования выяснилось, что многие респонденты прекрасно осознают, что «свободное и творческое владение двумя языками - богатство, которое трудно переоценить, но как всякое богатство, далеко не всем оно достается. Я говорю на английском, но разве это сопоставимо с моим русским. А очень-очень жаль! Я замечаю, когда наш, русскоязычный человек, начинает легко и красиво говорить по-английски, он даже сам преображается: становится увереннее, раскованнее, даже порой смелее и развязнее. В любом случае – свободнее». (Ж., 57 лет). Проблема биллингвизма беспокоит «русских» бостонцев: « Я в Америке с 11 лет. Мой английский еще требует совершенства, а русским я уже не очень хорошо владею» (Ж., 30 лет). Части (4,8%) участников нашего опроса хорошо знакома ситуация, в которую попала семья другой респондентки: « Мы в своей семье после приезда решили говорить только на английском языке. В результате дети не знают русского вообще, а родители за 16 лет так забыли родной язык, что в России вынуждены были пользоваться словарем». (Ж., 45 л.).

Подавляющее большинство опрошенных, также как и участников интервьюирования, согласны с тем, что «если хочешь иметь нормальную жизнь здесь, учи английский!» (М., 32 г.) Кстати, в их число входят и те «русские» бостонцы, которые, по их признанию, абсолютно не владеют английским языком.

Напомним, что по итогам опроса они составили 11%. Тем не менее в результате углубленного интервьюирования, выяснилось, что значительная доля (76%) не владеющих английским языком, не считает это своей первоочередной проблемой. «Я английского языка абсолютно не знаю, но это не главное, - признается женщина 73-лет, - главная забота - здоровье! Я здесь перенесла четыре сложнейших операции. Без конца болею: и годы, и проблемы сказываются, а главное - климат после Тбилиси - неподходящий. А лечиться здесь не просто. Хорошо, что есть медикэр, но дедактибл все время снижают, и лекарственный бенефит недостаточен. А медикэйд дают далеко не всем нуждающимся». Интересно, что в эту группу входят не только пожилые люди, но и мигранты средних лет, и даже молодые люди. « Я по-русски и по-татарски говорю, английским не владею. Но ничего -

живу, и неплохо живу. Некоторые интеллигенты так не живут, как я». (М., 52 года).

Ранее упоминавшийся Сергей Довлатов уже делал похожий вывод, правда, в шуточной форме, наблюдая жизнь «русских» нью-йоркцев за 20 лет до нашего обследования: «Единственная страна на земном шаре, где человек непонятного происхождения, владеющий восточноевропейским языком, будет чувствовать себя естественно - это Америка» (6). В качестве подтверждения этого вывода «русские» бостонцы неоднократно приводили мне пример, ставший уже давно местным анекдотом: «Да, с языком доходит до смешного. Слышали, что произошло в русском магазине. Там все говорят только по-русски. Вдруг одна из покупательниц обращается по-английски к продавщице. Та кричит в сторону подсобки: «Роза, иди быстро: иностранку обслужить надо!» (Ж., 32 года). И по этому поводу Сергей Довлатов иронизировал: «Коренных жителей мы называем иностранцами. Нас слегка раздражает, что они говорят по-английски. Мы считаем, что это бестактность» (7).

В «русских» магазинах и прочих русскоязычных «оазисах», действительно, рабочий язык – русский. Однако, неподготовленному слушателю, поначалу он может показаться незнакомым, странным, каким-то специфичным. Помимо самых различных диалектных особенностей, регионализмов и т.п., настораживает множество непонятных слов и выражений. В магазине постоянно слышится: «Наслайсите мне паунд!» - «Мне полпаунда ветчинки. Только не писиком, а слайсиками». Из бесед и разговоров «русских» бостонцев в транспорте, на улице, во время опроса, интервьюирования и т.д. : «У нас апартамент просто найс!» - «Ты берешь машину в рент, едешь по 17-ой дороге (экзиты с 64-го по 37-ой)».-«Сходи на дисплей и посмотри на эти экземпляры». –«Я сегодня очень бизи, а завтра буду фри».-«Он - типичный кризи, велфэрщик из Сайбириэ, делает Step by step, но все зря».- «Она даже чек не может окешить».-«Нашел работу на констракшен»...Или объявления в «русских» газетах, на досках объявлений в магазинах и т.п. : «Присмотрю за ребенком, когда Вы идете "out"».- «Требуется Travel Agent».- «Сниму Junior Studio».

Естественно, что и «русские» бостонцы в своих интервью отметили подобное явление: «У нас здесь постоянно происходит вкрапление одного языка в другой, «смесь нижегородского с французским». Причем, помимо желания человека, само собой вылетает». (Ж., 24 года). Некоторых респондентов оно раздражает: «Когда наши миксают «нижегородский с французским», меня это фрикует». (Ж., 52 года).

Защитники смешения языков заявляют: «Мы говорим на нормальном русском языке, для нас нормальном, именно такой язык нас устраивает. Здесь пуризм речевой не нужен: язык - продукт речевой практики и самого

себя, законов собственного развития. (М., 64 года)». Заметим, что проблема смешения языков особенно типична для той группы (27%) мигрантов, которые «с трудом понимают и говорят по-английски».

Их оппоненты считают, что в данном случае «речь идет не о языковом пуризме, а о жуткой каше, месиве из отходов двух языков. «Микс» - значит вирус. Особенно опасен этот вирус для детей. Дети, подрастающие в такой языковой атмосфере, никогда не смогут читать в оригинале ни Толстого, ни Сэлинджера. Часть родителей считает необходимым учить своих детей русскому языку, специально приглашая для этого русскоязычную няню, а затем и преподавателя русского языка, или же пользуясь услугами курсов. Но все же это могут себе позволить лишь немногие. А большинство и не видит проблемы». (Ж., 67 лет).

Проблема, тем не менее, существует и её уже давно изучают специалисты. Кстати, это явление отмечено не только лингвистами. Еще в 1920-е гг. В. В. Маяковский писал в стихотворении «Американские русские»:

*«Я вам, сэр, назначаю апойтман.
Вы знаете, кажется, мой апартман.
Шудой пройдете четыре блока,
Потом сюдой дадите крен,
А если стритқара забита, оқоло
Можете взять подземный трен».*

Проблема «русских» бостонцев состоит в том, что они попадают не только в новые социальные, политические, экономические, культурно-психологические условия, но и в новое, для многих совершенно неосвоенное языковое пространство. У человека, не владеющего в достаточной мере английским языком, может наступить, по наблюдениям специалистов, своего рода языковая растерянность. При освоении нового языка происходит как бы смещение разных способов мышлений, что может проявиться во всем: в английском построении фраз на русском языке, в «американских» модуляциях, («русские» сначала учат американский акцент, а затем только английский язык» (м., 35 л.), в интонировании русской речи, в вкраплении английских слов в разговор на родном языке, их оформлении рамками русской речи и т. п. Такое обращение с языками психологи и психотерапевты считают знаком психологических трудностей адаптации, невротической адаптационной депрессией с высокой вероятностью психосоматических расстройств.

Подобное состояние «языковой растеренности», и вместе с тем озабоченность судьбой русского языка в странах современного Русского Зарубежья очень образно выразила наша бывшая соотечественница Дина Рубина: «Мучительное н а д е в а н и е чужого языка, постепенное п е р е о д е в а н и е сознания – это ли не трагический карнавальный процесс, суть болезненных эмигрантских перевоплощений! А ведь с годами происходит еще и обветшание родного языка, частичная его потеря, прорехи именно в смысловых, подтекстовых оттенках» (8).

Случается, что человек специально говорит на языковой смеси, полагая, что американизмы украшают его речь, полагая, что употреблять их престижно и модно. Но эти люди обычно не чувствуют чужого языка, и изобретают новые формы и значения слов. Это, как правило, также связано с кризисом идентичности носителя такого языка. Специалисты отмечают, что те, кто уверенно чувствуют себя в американском обществе, даже не всегда блестяще владея английским языком, никогда не вставляют в свой русский язык американизмы.

Наблюдаемый в «Русском» Бостоне процесс русификации английского языка в русскоязычной среде иммигрантов вызвал к жизни появление нового жаргона, сленга, языкового суррогата, интерференции («речевой чересполосицы»). Позволим себе обозначить это явление как «рашен - пиджин» (далее - РП), по ассоциации с «ток-писин» («пиджин-инглиш»). Терминологически «пиджин» - функциональный тип языка, развившийся путем существенного упрощения структуры языка источника. Пиджин, как правило, служит средством межэтнического общения в среде смешанного населения, причем, в той среде, где отсутствуют исконные носители языка. Однако, среди определенной части «русских» бостонцев РП существует как реальность, но вместе с тем он никогда не станет престижным, общим, тем более литературным. Среда его обитания в русской общине: семейно-бытовая сфера, дружеское, соседское общение, а также сфера обслуживания русскоязычных американцев («русские» магазины, аптеки, парикмахерские, мастерские и т. д.).

Американцы, изучающие профессионально русский язык, боятся общения с носителями РП, считая его «грязным» и «заразным», поэтому предпочитают брать уроки русского языка и практиковаться в нем только у тех носителей русского языка, которые хорошо знают английский язык или вообще его не знают. Возникновение такой разновидности русского языка, как РП, не может служить взаимопониманию людей и никогда не станет

языком межнационального общения. Ему не уготована судьба «ток-писин» (в прошлом - «пиджин-инглиш»), ставшего языком межнационального общения в Папуа Новой Гвинее или бислама, ставшего в Республике Вануату, наряду с английским и французским, сначала официальным языком государства, а затем и единственным государственным языком. В данном контексте РП скорее похож на суржик или синглиш.

«Рашен - пиджин» - это язык недостаточно образованных выходцев из бывшего СССР, не овладевших английским языком в необходимой степени, чтобы пользоваться им самостоятельно и творчески.

Потенциальные носители РП - новые русскоговорящие иммигранты, не владеющие в достаточной мере для выражения своих мыслей английским языком, но пытающиеся это сделать, а также их дети, не получившие хорошей языковой подготовки в английском языке и не имевшие возможности находиться в англоязычной среде. Именно язык детей постсоветских мигрантов вызывает особую озабоченность «русских» бостонцев. «У многих наших, особенно у детей - не язык, а жуткий жаргон, месиво из английских и русских слов: «Родители поехали на маркет, э кар покупать»; «Эти виндовки не открываются»; «Я купил айс-крема». А что родители говорят: «Мы живем в двухбедрумном апартаменте, сидим на велфэре, шопаем в русских магазинах!» Ужас! Рыба гниет с головы, а культура - с языка!» (Ж., 62 года). Можно бесконечно приводить подобные примеры общения родителей со своими детьми: «Ты слышал, я говорю: «Ноу!»-«Возьми токен и беги в сабвей!»-«Принеси кейк из рефрижиратора!» И, наконец: «Будешь миксать слова, убью!».

Особую группу языкового риска составляют подростки. «Послушайте, как наша «русская» молодежь разговаривает: мат-перемат. Английский не выучили, а нормальный русский, похоже, уже забывают». (Ж., 67 л.) И в целом, подростки - недавние иммигранты попадают в наиболее трудное положение. Как всякие другие подростки, они, зачастую тяжело переживая период физического созревания и становления характера, находятся в конфликте не только с самим собой, но еще страдают от окружения, непонятного и, как им кажется, враждебного. Специалисты, знают, что адаптационные возможности подвергаются особому испытанию именно в подростковом возрасте, когда старые еще слабо усвоенные ценности приходится срочно менять на новые. Привыкшие жить в прежней своей жизни в коллективе себе подобных сверстников, ничем не отличаясь от них, ощущая себя самодостаточными и полноценными людьми, «русские» подростки неожиданно оказываются в полной изоляции. «Американские

подростки их не принимают: психология - другая, игры - другие, шутки-другие. Сам прошел через это». (М., 21 год).

К сожалению, опрос детей и подростков не проводился. Но их родители практически единодушны в том, что взаимоотношения подростков-иммигрантов и старожилы складываются непросто, и подавляющее большинство «русских» не имеют дружеских отношений с американскими. «Проблем с детьми много. Родители заняты выживанием, а дети попадают в разные ситуации, нуждаются в поддержке, а родителям не до них! Особенно тяжело подросткам, и прежде всего мальчикам. Они не умеют и не знают многого из того, что престижно среди американских тинейджеров. И эта борьба за самоутверждение да еще, если с родителями нарушен контакт, доводит иной раз до трагедий! Я сама знаю несколько жутких случаев!» (Ж., 37 лет). Родители считают, что «дети эмигрантов нуждаются в особой защите и помощи взрослых и всей общины. Вы знаете, как здесь создают людей второго сорта? Я работала в детских учреждениях, я это знаю. Каждый год правительство выделяет субсидии на детские сады, школы, как для нормальных детей, так и с отклонениями. Чтобы освоить эти деньги, коллегам помочь, да и свою жизнь облегчить, из нормальных школ и детских садов детей отправляют в «ненормальные». Никаких заключений специалистов, никаких обследований: ребенка обвиняют в «дефиците внимания», объявляют отстающим в развитии... А у него может быть проблемы с английским языком, или ему скучно на занятиях, или он уже многое знает, но у него трудности с общением. Это никого не интересует. Ставят штамп с детства». (Ж., 41 г.).

Родители нередко связывают проблемы воспитания и обучения своих детей с языковыми проблемами: «А у русских детей еще и с языком бывают трудности. Вот и возникает ощущение неполноценности, потерянности и одиночества. Хотя, в общем, наших детей хвалят и в школе, и в университете они - лучшие. Но чего им это стоит! Короче, везти сюда нужно только младенцев или рожать здесь». (Ж., 40 лет). Действительно, детей «русских» бостонцев хвалят и в школах, и в университетах, их принято считать благополучными. «Бруклайн (один из районов массового проживания «русских» в Бостоне – Г. К.) знаменит своими школами, что, конечно же, важно для нашего города. Сегодняшняя задача состоит в том, чтобы поднять уровень обучения в городских школах Бостона, который пока ниже, чем в Бруклайне. Я совершенно точно знаю, что практически все русскоязычные школьники очень серьезно относятся к

учебе и стремятся получить максимум необходимых им в будущем знаний. И в этом огромная заслуга родителей, прививших им эту тягу к знаниям и самосовершенствованию». (Рони Сидни, член Палаты Представителей штата Массачусетс). «Русские» дети, как правило, хорошо учатся и нацелены на высокие социальные позиции. Родители в Русском Бостоне считают, что они сами прежде всего ответственны за своих детей, их учебу, воспитание, времяпрепровождение и т. п. Родительский надзор в общине действительно существует и дает свои плоды. «Русские» дети не сбиваются в «стаи», не хулиганят, не ведут себя развязно и вызывающе, как некоторые «коренные» американские подростки. Внешне все выглядит вполне благополучно, но все же проблем у детей русского Бостона достаточно много. Среди них - изолированность от американской среды, невозможность адаптации к ней; языковой барьер и связанное с этим непонимание американской жизни.

Вместе с тем «русские» родители, как правило недовольны городскими школами, уровнем обучения в них, в целом, и английскому языку, в частности. «В Союзе в школах был порядок, система, план, ответственность за каждого ребенка. В США директора школ имеют «тэньор» (гарантия пожизненной работы), поэтому от плохого директора невозможно избавиться. Эта система приводит к злоупотреблениям властью, плодит неквалифицированных учителей. К тому же школьный учитель, не директор и его «любимчики», а обычный учитель, получает гроши. Неслучайно в школах такая низкая успеваемость. Представляете, прошлой весной (1999 г. - Г. К.) 2/3 учащихся школ Нью-Йорка провалили экзамены по английскому языку и математике! Вы можете такое представить в бывшем СССР? (Ж., 46 лет)

«Русские» бостонцы видят особенно серьезную проблему в том, что родители и их дети говорят на разных языках, в буквальном и переносном смысле этого значения. Прежде всего потому, что существует огромная разница между семейными стандартами русскоязычных родителей, и теми, которые широко рекламирует американские СМИ, внушая подростку, что он - свободная личность, что он - индивидуальность, создавая ему условия для формирования чувства собственного достоинства и независимости. Социальная ментальность Америки основана на идеях выбора и жизненных перемен. У молодых русских бостонцев возникает новое самоощущение, выработанное под влиянием рекламы, которое выливается в чисто внешние поведенческие бунты. Прежде всего они начинают воевать с родителями, стремятся освободить от их влияния, начинают стыдиться их. Возникает

непримение родителей, их отторжение, которое порой выражается и в том, что дети демонстративно переходят на английский язык. Подавляющее большинство (более 70%) респондентов считают: «Как только в семье дети и взрослые начинают говорить на разных языках - семье конец. Мой муж очень сердился, когда сын начал с нами говорить по-английски дома» (Ж., 36 л.). «Дома мы говорим только по-русски. Иначе нельзя: путать языки опасно, можешь один забыть, а другой не выучить». (М., 42 года)

Недовольство «русских» родителей усиливается позицией американской школы, которая, как и все общество, поддерживает стремление подростков к самостоятельности, к независимости от чьего-либо влияния. Например, в США очень важная позиция - уважать частную жизнь ребенка. В это понятие входит не только то, что он должен научиться сам отвечать за себя, за свои дела и поступки, сам решать свои проблемы, но и то, что никто не смеет вторгаться в его внутренний мир, если ребенок этого не захочет. «Поэтому если русский ребенок начинает говорить по-английски с родителями, совершенно не владеющими этим языком, или того хуже, молчит и закрывается в своей комнате, они не вправе что-либо с ним поделаться». (Ж., 39 л.).

Безусловно, проблемы «русских» детей обычно как в зеркале отражают родительские проблемы. Процесс вживания детей в американское общество во многом зависит от стратегии адаптации их родителей. В частности, от того, какой из двух крайних позиций придерживаются взрослые в семье: стратегии на изоляцию или стратегии на ассимиляцию. В любом случае проблемы адаптации детей, особенно подростков-иммигрантов имеют и языковые аспекты. Дина Рубина, одна из самых ярких писателей современного Русского Зарубежья, на примере собственных детей сделала такое заключение: «В этом перевернутом, вывернутом наизнанку мире наши дети - особь статья. Понятно, что везли их сюда за: здоровым национальным самоощущением, чувством собственного достоинства, раскованностью, знанием языка предков, традиций, культуры, религии. Но – Боже мой! – не за тем же, чтоб они потеряли наш болезненно любимый, родной, самый-прекрасный-на-свете русский язык! А они, наши дети, катастрофически его теряют» (9).

Отметим, что многие «русские» бостонцы озабочены проблемой сохранения русского языка. Особое место среди них занимают те, для кого родной язык всегда служил профессией. Кстати, именно они составили основу группы наших респондентов, которые никогда, независимо от

степени владения английским языком, не позволяют себе говорить на «миксе» и с пренебрежением отзываются о «брайтон-бичском диалекте» русских американцев.

Наше обследование выявило в Бостоне повышенный удельный вес эмигрантов из Москвы и Петербурга. Это - инженеры, программисты, врачи, музыканты, химики, гуманитарии, биологи, физики. Судя по их интервью, приехав в Бостон, многие из них обречены менять профессию, свой социальный статус, переучиваться, т.к. именно здесь особенно велика конкуренция в научной, творческой среде, а спросом пользуются лишь высококвалифицированные рабочие. Как показало наше исследование, в эмиграции и психологически, и практически, как правило, выигрывает тот, кто, уехав из бедности, не строит больших планов, а просто надеется на себя, свои силы, удачу. Это, прежде всего, люди из небольших городков, из провинции. В Америке они объединяются в артели, группы, кланы и занимаются трудом, который нужен везде: строительством, ремонтом квартир, прокладкой труб. Чтобы выжить, они забывали о своих дипломах, высшем образовании, часто начинали учиться с нуля. Другие занялись пусть и маленьким, но своим бизнесом: открывали магазинчики, мастерские, ателье. Они настраивали пианино, вставляли стекла, ремонтировали автомобили и т.д. Они сразу взялись за работу, и адаптация для них проходила с наименьшими моральными потерями. Освоившись и пустив корни, они стали вызывать своих родственников и друзей. Так формировалась наиболее активная и работающая часть эмиграции - «мужики».

«Элита» эмиграции - врачи, адвокаты, компьютерщики немногочисленны, но, как правило, занимают вполне приличное место в обществе. Особенно успешны молодые люди, получившие образование уже в США и хорошо владеющие доминирующим языком - английским. Обладатели советских и российских дипломов обычно проходили переподготовку на знаменитых Каплановских курсах и сдавали экзамены. В Америке существует очень сложная система законов, регулирующих медицинское образование. В каждом штате действует свой порядок сдачи экзаменов на получение лицензии врача. Врачи - эмигранты среднего и старшего поколения, даже будучи прекрасными специалистами, зачастую не способны получить лицензию из-за недостаточного знания английского языка (10).

Значительный слой составляют в эмиграции всякого рода «бизнесмены». Как правило, это те, кто и на родине занимался перекупкой, перепродажей, всякого рода торговыми операциями. Они не хотели менять профиль занятий, например, учиться какой-либо рабочей профессии. Самое большее, на что они соглашались - это поработать таксистом, скопить денег, купить лицензию и организовать свое дело. Зачастую им удавалось это сделать даже при отсутствии знания английского языка.

Между тем, творческие люди (литераторы, журналисты, актеры, юристы, преподаватели гуманитарных предметов и т.п.), чья профессия связана с языком, оказываются в самой сложной ситуации. Языковой барьер, культурно-психологическая дистанция, западные стандарты, иная логика, иные ценности - все это и многое другое не позволяют им быть конкурентоспособными в своей профессиональной среде. Этой категории «русских» иммигрантов особенно трудно приспособиться, найти высокооплачиваемую работу. И вместе с тем, они не могут «делать что-то полулегальное», чтобы встать на ноги. Творческие люди, особенно предпенсионного возраста, как правило, оказываются в наиболее плачевном состоянии. Они объединяются в какие-то центры, читают лекции, что-то издают, но это маленькие тиражи, малочисленные аудитории, жалкие доходы. «Здесь есть очень интересные, разнообразные авторы. Благодаря им сохраняется литературный русский язык. Хотя, вы знаете, каково нашим писателям приходится. Хорошо, если он преподает в университете, колледже или в школе, в библиотеке или в банке работает, а то и грузчиком...» (Ж., 61 г.). «И хотя русская литература перестала в США быть профессией, литературный труд на Западе, не оплачивается, талант он и в Америке - талант!». (М., 62 г.).

Многие представители этой социальной группы, особенно пожилые, не владеют английским языком. Но они сохраняют свое главное богатство – родной язык. «В эмиграции люди не преобразуются, а лишь проявляются, проясняются. Обнажается все, что человек скрывал, все подлинное. И именно здесь начинаешь понимать цену всему, в том числе и тому, что осталось в России. К счастью, такое бесценное богатство - родной русский язык - с нами. И он по-прежнему служит нам». (М., 57 лет).

Миграция населения Земли в наши дни приняла невиданные размеры. Мало кто сегодня живет в доме своих предков, и слишком многие не живут даже в стране своих отцов. И пути эмиграции неисповедимы. Наше исследование, проведенное в Бостоне со всей очевидностью продемонстрировало, насколько по-разному складываются эмигрантские судьбы наших бывших соотечественников. Однако, есть и то общее, о чем обычно говорят: «Эмиграция – это растянутый во времени стресс». Наиболее явным проявлением эмигрантского стресса служит так называемый «культурный шок». Приезжая в новую страну, любой иммигрант привозит с собой свой «культурный багаж», свой родной язык, свою религию, свое отношение к жизни, свое представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо», свои жесты, позы, интонации, все то, что позволяет человеку данной культуры общаться с себе подобными, и свои «культурные стереотипы» в отношении себя, окружающего мира, оценок того или другого явления, все то, что принято называть «культурными кодами». И может случиться, что весь этот культурный багаж оказывается непригодным, а иной раз даже и вредным в новых жизненных обстоятельствах, в новой стране, жители которой имеют другой культурный багаж и используют другие культурные коды. И тогда при контактах эмигрантов с коренным населением, когда такие столь противоположные представления сталкиваются, возникает конфликт, обозначаемый как «культурный шок», острые переживания и ощущения, которые человек испытывает при смене привычных условий жизни на новые. При переезде в другую страну культурный шок типичен для всех иммигрантов, но степень и сроки культурного шока у каждого индивида свои. Это можно рассматривать и на уровне личности и на уровне культуры, к которой человек принадлежит. Но если даже не учитывать коллизии каждой отдельно взятой судьбы, можно выделить основные параметры, то общее, через что проходят все иммигранты, независимо от возраста и пола, профессии или уровня образования, вероисповедения, черт характера и т.д. И среди всех этих основных параметров, безусловно, первое место занимает язык. Роль языка в процессе адаптации, и прежде всего культурной адаптации, трудно переоценить. Изучение этой роли позволяет не только обозначить проблемы, но и дает возможность объяснить многое из того, что происходит с иммигрантами в процессе их культурной адаптации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1) В.А.Тишков. Исторический феномен диаспоры//Этнологическое обозрение, 2002, № 2.
- 2) Оценить общее число бывших советских граждан в США, в том числе и в Бостоне, практически невозможно. Информация, которой располагают правительственные и общественные организации далеко не точна. По данным ХИАСа (HIAS - Hebrew Immigrant Aid Society), за период с 1970 по 1993 гг. только со статусом беженца в США въехало 308,6 тыс. граждан СССР. Кроме того, около 100 тыс. чел., приехавших из бывшего Союза с другим статусом (рабочая, студенческая, гостевая виза), влились в состав «русских» иммигрантов, и этот процесс продолжается и по сей день. Существует и так называемая вторичная эмиграция бывших советских граждан, въехавших первоначально в другие страны (Израиль, Канада, Франция и т. п.), а затем - в США. Следует напомнить и о такой форме легального въезда в США как выигрыш в специальной лотерее «зеленой карты» - права на получение статуса постоянного жителя США.
- 3) М. Каган. Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 99. М., ИЭА РАН.1996.
- 4) С. Довлатов. Марш одиноких. СПб., 2002.
- 5) С. Довлатов. Колонка редактора //Новый американец. 1979.
- 6) С. Довлатов. Марш одиноких. СПб., 2002.
- 7) С. Довлатов. Колонка редактора //Новый американец. 1979.
- 8) Д. Рубина. Под знаком карнавала. Иерусалим. 2000. С. 39.
- 9) Д. Рубина. Под знаком карнавала. Иерусалим. 2000. С.23.
- 10) В 1970-е гг. советские граждане, подавшие документы на выезд в Израиль и затем сменившие направление эмиграции в США, въезжали в страну через ХИАС. Их направляли в те штаты и города, где местная еврейская община желала их принимать. Правила приема были разными в различных штатах и устанавливались на местах. Обычно эмигрант получал поддержку от общины первые 2-4 месяца, а затем должен был трудоустроиться сам или выполнять работу, предложенную общиной. Никакой материальной и другой помощи, в частности, в обучении английскому языку, при этом не оказывалось. В 1980 г. был принят Закон о беженцах, который предусматривал материальную помощь эмигрантам в течение полутора лет, а также помощь в овладении английским языком и профессией. Экономика США развивалась в те годы достаточно успешно, уровень безработицы был невысок, что создавало для беженцев 1980-х гг. обстановку в целом более благоприятную, чем для иммигрантов 1970-х. 1987 год принято считать началом нового периода в истории эмиграции выходцев из СССР в США. Вплоть до 1990 года практически не было ограничений на их въезд с американской стороны. За это время 86,3 тыс. бывших советских граждан въехали в США со статусом беженца. Однако, экономический спад, начавшийся в США в 1989-90-х гг., отразился на условиях приема эмигрантов в страну. Материальная помощь государства сократилась по объему и по срокам: сначала - до года, а затем до восьми месяцев. Размер пособий в разных штатах и городах был различным, но повсюду он заметно уменьшился. Уровень безработицы, напротив, резко возрос. Все это не могло не отразиться на положении иммигрантов, в том числе и на их языковой подготовке.